

Хронология подвязных фибул Пруссии фаз В₁-С₁

Владимир Кулаков

Как было основательно показано в хронологических изысканиях В. Новаковского, важнейшей для древностей эстиев является одна из групп артефактов массива местного археологического материала – фибулы с подвязной ножкой (Fibeln mit umgeschlagene Fuß – Nowakowski, 1996, S. 21). Занимая ключевое место в хронологии Янтарного края римской эпохи, эти находки не получили достойного освещения в работах этого единственного к настоящему времени специалиста по древностям эстиев, как, впрочем, и других коллег. Восполнить этот пробел призвана предлагаемая статья, в которой использованы 40 адекватно документированных комплексов погребального инвентаря с подвязными фибулами, встреченных на землях исторической земли пруссов (Пруссии).

Фибулы, являющиеся предметом нашего изучения, составляют отдел «застёжек с подвязной ножкой», распадаясь по А. К. Амброзу на подотделы «одночленные» (корпус фибулы и её игла изготовлены из одного куска металлического дрота, тетива, как правило – «верхняя» = obere Sehne, рис. 1, А-67) и «двучленные» (корпус и игла – из различных кусков дрота или проволоки, тетива – «нижняя» = untere Sehne, рис. 1, Grei-73) (Амброз, 1966, с. 10).

Одночленные фибулы варианта Амброз 1, непосредственно продолжающие в Восточной Европе в 1 в. н. э. латенские традиции (Амброз, 1966, с. 48), на памятниках археологии Юго-восточной Балтии римского времени отсутствуют. Отдаленно эту форму застёжек напоминает фибула типа АVII, 204 (рис. 1, Кг-F), правда, уже имеющая литой иглоприёмник. В указанном ареале представлены поздний вариант 2 застёжек АVI, 158 средневропейской серии (рис. 1, 2), отнесённый А. К. Амброзом к 3–4 вв. н. э. (Амброз, 1966, с. 59). Инвентарь, встреченный в погребальных комплексах Юго-восточной Балтии с такими фибулами, позволяет расширить рамки их бытования

от ок. 250 г. до ок. 400 г. н. э. (Кулаков, 1998, с. 42). Незначительное число (не более 5 экз.) таких застёжек в документированных наборах погребального инвентаря, казалось бы, ставит под сомнение тезис о генезисе на их основе двучленных прогнутых подвязных фибул (по А. К. Амброзу именно к этой подгруппе относится основной массив подвязных фибул в Восточной Европе), высказанный классиком изучения фибул в отечественной археологии. Этот тезис звучит так: «Наиболее близки им [т. е. латенским фибулам серии I «с коленчато изогнутой спинкой – В. К.] одночленные прогнутые фибулы [имеются в виду артефакты I в. н. э. – В. К.]. Ареалы тех и других совпадали лишь в области древних пруссов [...], где и следует предполагать место возникновения двучленных прогнутых подвязных фибул с узкой ножкой» (Амброз, 1966, с. 62). К сожалению, именно 1 в. н. э. является для Юго-восточной Балтии частью хиатуса в распространении одночленных фибул между позднелатенской и позднеримской эпохами. Современные западноевропейские коллеги не видят в ареале эстиев родины для подвязных двучленных фибул (впрочем, как и в любом другом регионе Европы раннеримского времени – Godłowski, 1994, S. 484). Однако кажущаяся очевидной справедливая осторожность К. Годловского, ставящего под сомнение вывод А. К. Амброза, теряет свой пафос в свете находок подвязных фибул в историческом регионе Altmark (Mecklenburg-Vorpommern). Эти находки представляют собой «варварские» версии поздних провинциально-римских фибул группы АV. Такие подражания обозначены О. Альмгреном в качестве типа АVI, 181, существует и версия в виде лучковой конструкции фибулы – тип АVI, 157. Главное отличие этих фибул от своих римских прототипов – замена паяного пластинчатого иглоприёмника на подвязной. Такая его форма представляет собой загнутую под острым углом

нижнюю часть ножки, прикрепленную к её среднему сектору при помощи проволочной (первоначально – напаянной на иглоприёмник) оконечности загибаемой части ножки. Этот акт не является результатом генетического развития идеи подвязных фибул в «варварской» среде, как считали А. К. Амброз, К. Годловский и прочие коллеги, а представляет собой подлинный прорыв в технологии, применявшейся германскими мастерами на ранней фазе позднеримского времени. Отметим, что к этому времени позднелатенские подвязные застёжки были в Барбарикум уже давно неактуальны. «Ренессанс» таких форм фибул согласно находкам в Альтмарке, а также в Тюрингии и на Ютланде относится к концу фазы С_{1a} (по У. Лунд Хансен С_{1a} = 200–225 гг.), т. е. – незадолго до 250 г. н. э. (Schuster, 1995, S. 108). Подобного рода фибулы с широкой ножкой известны в ареале эстиев лишь на могильнике бывш. Grebieten (Самбия) (рис. 1, G(Süd), зато весьма распространены в Литве в будущем племенном ареале жемайтов. Этот тип – один из самых популярных у балтов в рамках массива подвязных фибул. Правда, в литовском материале он датируется не ранее 5 в. н. э. (Tautavičius, 1996, p. 198), хронологически не стыкуясь с находками из Альтмарка, Тюрингии и Ютланда. Таким образом, вариант прямого «импорта» подвязных фибул типа АVI, 181 для Балтии не актуален. Однако факт наличия в этом регионе Европы в материальной культуре римского времени большого количества подвязных двучленных фибул и приведённый выше тезис А. К. Амброза о генезисе этого рода застёжек именно в Янтарном крае требуют объяснений.

Прежде всего необходимо выяснить наиболее ранний для Балтии вариант подвязных двучленных фибул. Видимо, к числу таких находок относится фибула (судя по более чем краткому описанию – 1-й или 2-й вар. I серии двучленных застёжек по А. К. Амброзу) из погр. 34 могильника Оструда (Варминьско-Мазурское воев.), которое по найденным в нём фибулам-дериватам типа АII, 41 можно отнести к фазам В_{1b}-В₂ (Кулаков, 1998, с. 43). Крайне многочисленные в позднеримское время, такие фибулы присущи как мужским, так и женским комплексам (рис. 3). По своим общим очертаниям они копируют провинциально-римские фибулы группы V, в

целом отнесённой У. Лунд Хансен к фазе В₂ (Lund Hansen, 1987, S. 39) и, видимо, группы VII (рис. 1). Даже перегиб спинки этих фибул (особенно чётко выраженный в типах АV, 136–137) в своей верхней трети имитирован подвязными фибулами Янтарного края. Логичен вывод о том, что мастера этого региона, как и их коллеги на Ютланде и в некоторых прочих пунктах Germania Libera, копировали фибулы наиболее популярной у «варваров» на фазе В₂ группы V. Правда, если у жителей Германии получились в результате этой акции подвязные фибулы типа АVI, 181, то у обитателей Янтарного края итогом их творчества стали фибулы типа АVI, 162, в археологической литературе именуемые арбалетовидными. Такие железные застёжки в среде носителей пшеворской культуры появляются на фазе С_{1a} (Nowakowski, 1995, s. 30). Если именно этот ареал, а не Янтарный край является, как показывает уточнённая карта распространения подвязных фибул, основной территорией распространения в европейском Barbaricum одночленных фибул (рис. 4, 1), то двучленные застёжки самое мощное скопление имеют в низовьях р. Вислы и на Самбии (т. е. – в ареале вельбарской культуры и самбийско-нотангской группы = СНГ – рис. 4, 2).

Главное отличие западнобалтских и пшеворских фибул от застёжек типа АVI, 181 – не пластинчатая широкая, а дротовая спинка миндалевидного или даже прямоугольного сечения. Такие фибулы, пройдя долгий путь развития, доживают в форме застёжек подтипа К4 до нач. 8 в. (Кулаков, 1990б, с. 151, 152). На пороге средневековья предки позднейших жемайтов имитировали фибулами с подвязной ножкой мазурские арбалетовидные фибулы подтипа К3 (Vaitkunskienė, 1995, 171 pav., 1). Как показывает опыт, производство арбалетовидных фибул с подвязной ножкой не требует особых профессиональных навыков и нуждается лишь в наличии бронзовых дротов и проволоки. Именно эти застёжки стали в Балтии в кон. 4–5 вв. н. э. прототипами для распространившихся по всему Barbaricum арбалетовидных фибул с литым иглоприёмником. Переходную форму застёжек Н. Оберг нашёл в материалах могильника Warengen, Kr. Samland (Зеленоградский р-н) (Åberg, 1919, Abb. 50, S. 54, 55).

Гораздо сложнее выглядит проблема генезиса и развития подвязных фибул с кольцевой гар-

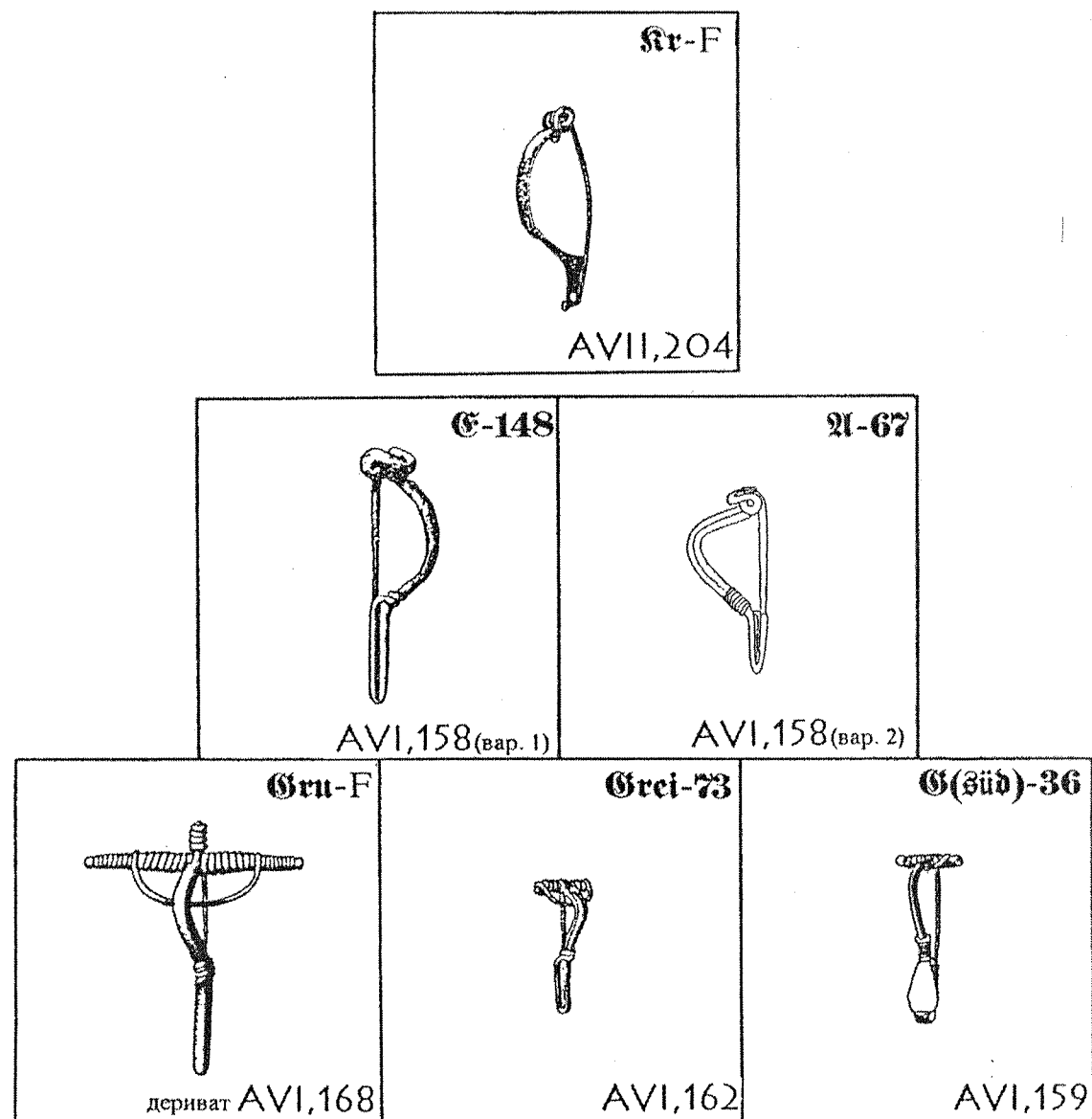

Рис. 1. Прототип AVII, 204 и типы фибул группы AVI (прогнутые подвязные фибулы с узкой ножкой) (Nowakowski, 1996).

1 pav. A VII, 204 prototipai ir A VI grupės segių tipai.

нитурой (Fibeln mit Ringgarnitur = RG, рис. 5, 6). Их ведущие признаки – кольца из рифлёной проволоки, украшающие ножку фибулы и декоративная «кнопка» в точке соединения ножки и пружины, объединяют такие артефакты с фибулами типа AVII, 211. Вслед за Н. Обергом А. К. Амброс считает эти застёжки принадлежностью в основном Балтии, где они, по его мнению, появляются в 3 в. н. э. (Амброс, 1966, с. 67). К. Годловский относит появление таких фибул типа AVII, 211 в западнобалтском и вель-

барском ареалах к фазе С_{1b} (ок. 250 г. н. э.). Эти застёжки, отличительной особенностью которых является высокий паяный пластинчатый иглоприёмник (рис. 5), производятся в упомянутых ареалах, а также на пшеворской территории до фазы С₂ (Godłowski, 1994, S. 485). Данные фибулы являются упрощённым дериватом сильно профилированных застёжек типа AIV, 74 (фаза В₂ – Lund Hansen, 1987, S. 39). Правда, если корпус этих фибул в соответствии с традициями мастеров римских провинций набирался из отдельных

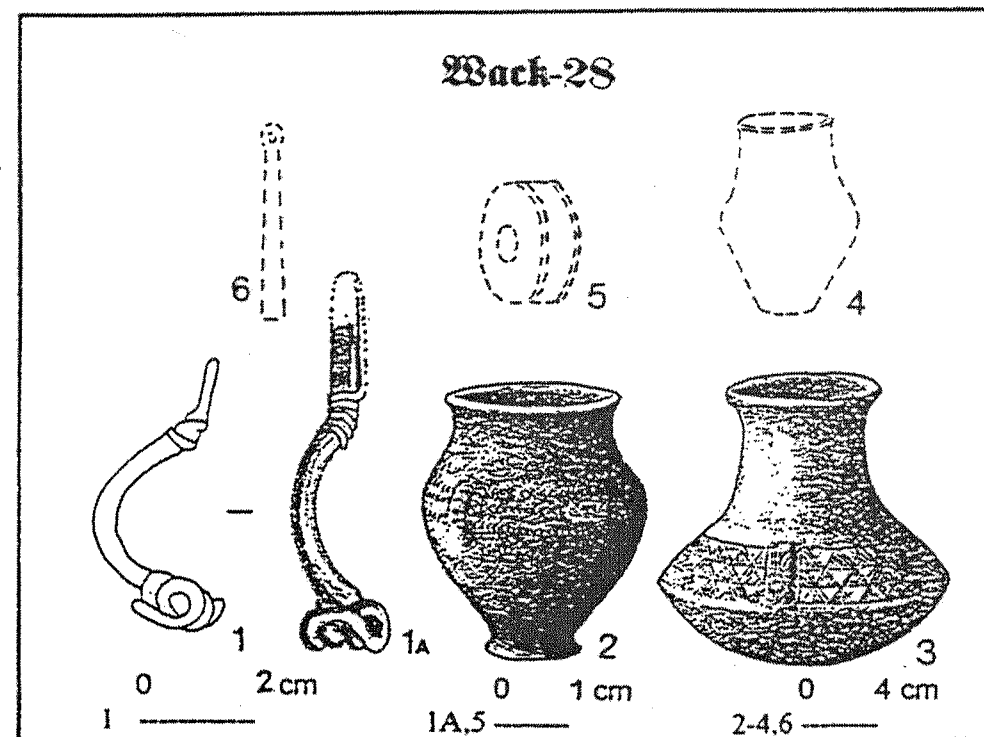
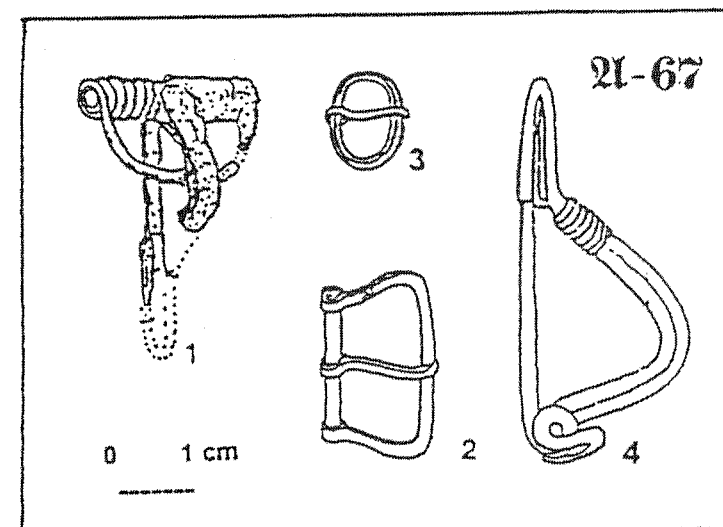

Рис. 2. Наборы инвентаря с подвязными одночленными фибулами: А-67 (КРМ /трупосожжение/ под плоским камнем) – бронзовые фибулы и пряжка (Grunert, 1935, S. 38); Wack-28: 1,1а – бронзовая фибула, 2–4 – сосуды-приставки, 5 – янтарная бусина, 6 – кресало (часть предметов известна лишь по описанию – Tischler, Kemke, 1902, S. 39).

2 pav. Įkarių kompleksai su lankinėmis vienanarėmis segėmis.

деталей, по центру ножки соединявшихся изящной дисковидной муфтой, то фибулы AVII, 211 лишь имитируют эту сложную конструкцию. Их ножка обернута одним или несколькими кольцами из рифлёной проволоки. Реципиенту, видимо, этого было достаточно для создания у него имиджа «настоящей» провинциально-римской фибулы.

Можно лишь догадываться о местах производства этой «контрафактной продукции», но связь её авторов с лimesом очевидна в их производственных приёмах.

Появление фибул типа AVII, 211 по времени совпало с расширением сбыта торговой продукции Рима в «варварской» среде и, согласно законам

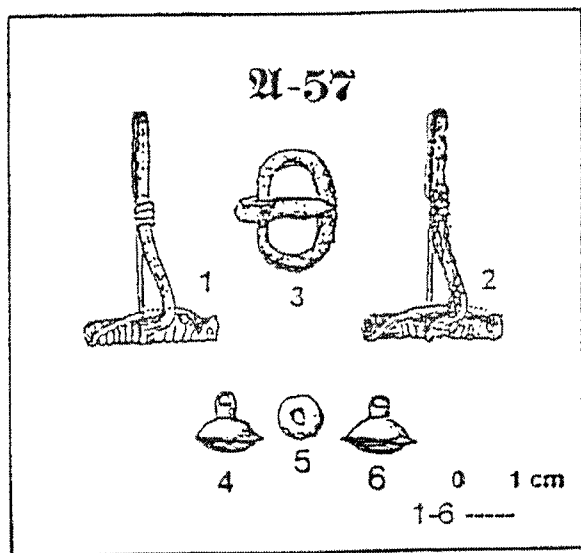

Рис. 3. Пара железных подвязных двучленных фибул (1, 2) с железной пряжкой (3), железными бубенчиками (4, 6) и голубой стеклянной бусиной в безурновой КРМ А-57 (Grunert, 1935, S. 39, Abb. 55).
3 pav. Dvi geležinės lankinės segės (1, 2), geležinė sagtis (3), geležiniai žvangaliukai (4, 6) ir žydro stiklo karolis (5) iš degintinio kapo be urnos А-57.

рынка, падением её качества (Ростовцев, 2000, с. 168). Начало в 251 г. н. э. Готских войн и усложнение боевой обстановки на южных участках Великого Янтарного пути прервало уже ставший привычным для германцев поток провинциально-римских товаров из восточной части Империи. Привычка к их употреблению давно укоренилась в Germania Libera и поэтому во второй половине 3 в. н. э. остро встала проблема «эрзац-продукции» (der Ersatz – «заменитель», «суррогат») по римским мотивам. Проблема подделки римского «ширпотреба» встала перед ориентированными на «варваров» мастерами ещё в конце 2 в. н. э. после ряда торговых ограничений, введённых Империей после Маркоманнских войн (Колосовская, 2000, с. 116). Этот подлинный поворот в развитии материальной культуры Barbaricum, происшедший между 180 г. и ок. 260 г. н. э. особенно ярко виден на примере судеб фибул типа AVII, 211 с высоким иглоприёмником.

Возвращаясь с балканского театра Готских войн, мигрирующие группы носителей пшеворской культуры могли принести на границы Янтарного края комплекс приёмов изготовления «сарматских» (по устоявшейся в Польше терминологии) фибул с проволоочной гарнитурой,

восходящих к фибулам «лебяжьинской серии» (по А. К. Амброзу). Бродячие группы мастеров из Паннонии и Дакии распространяли их прототипы на север (Мончиньска, 1999, с. 90), вниз по течению р. Вислы (т. е. – по Великому Янтарному пути). В результате на Янтарном берегу началось производство их дериватов AVI, 167 с подогнутой ножкой. Промежуточной формой между провинциально-римскими изделиями и двучленными фибулами являются находки из могильника Pruszcz Gdański (Andrzejowski, 1992, р. 163, 164; pl. 5, g) – проволоочные фибулы типа AIV, 81, изготовленные, видимо, ещё до Готских войн, на фазе С_{1а}. Такие артефакты были продукцией местных «варварских» умельцев и появились как следствие вещевого «голода» после упомянутого выше ограничения торговли с Римом. Этот «голод» мог подтолкнуть часть готгепидов к поискам новых контактов с античным миром, приведшим к Готским войнам на Балканах.

Однако «эрзац»-фибулы редки в Янтарном крае, как, впрочем, и собственно фибулы типа AVII, 211 (Sc-29) и их дериваты. Этого нельзя сказать об их дериватах с подогнутой ножкой, ставшей своеобразным trade mark для мастерских Янтарного края позднеимперского времени, как это видно из числа находок этих фибул в Юго-восточной Балтии (рис. 6). При их производстве применялся метод подвязывания ножки для устройства иглоприёмника, уже освоенный на Янтарном берегу в случае с фибулами типа AVI, 162.

Являющиеся «варварской» модификацией фибул типов AIV, 81 и AVII, 211, упомянутые застёжки, сведённые Н. Обергом в тип Å2 (= AVI, 167) (рис. 6, 7), который он датировал второй пол. 3 в. н. э. (Åberg, 1919, S. 13), далеки от высококачественной продукции самбийских мастеров фаз В₁-В₂. Застёжки типа AVI, 167, украшенные кольцевой гарнитурой (стиль проволоочного декора) – ведущий признак как древностей Самбии фаз С₁-С₂ и остального ареала СНГ, так и синхронной цецельской фазы вельбарской культуры. В её регион, как, впрочем, и на правый берег р. Неман, фибулы RG поступали из Самбии (Åberg, 1919, S. 13). Упомянутые выше фибулы типа AVI, 167 представлены в погребениях Самбии по одиночке и входят в состав мужских комплексов. Terminus post quem для таких

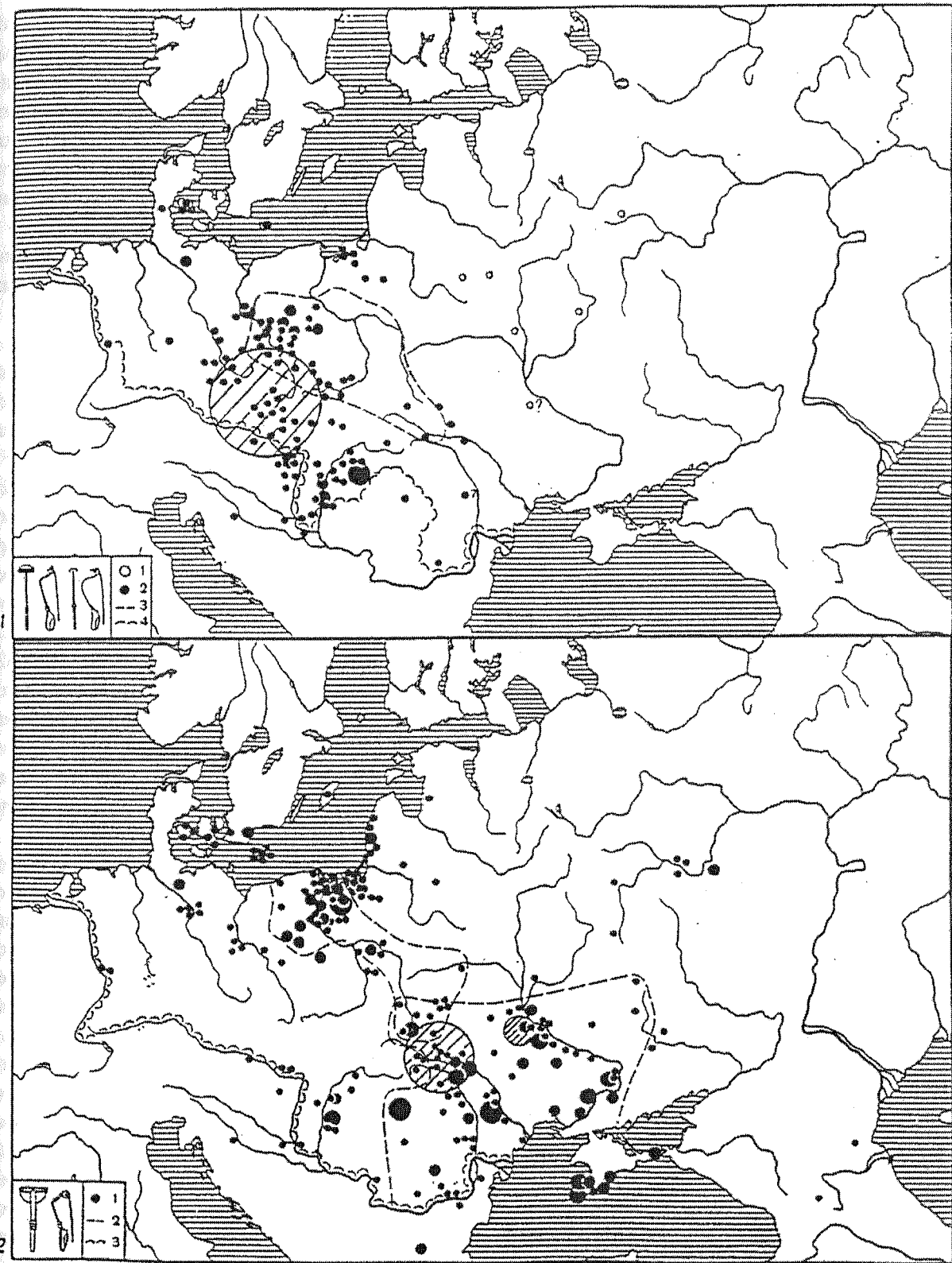

Рис. 4. Подвязные фибулы в Barbaricum: 1 – находки одночленных фибул с узкой ножкой (1 – верхнеднепровская серия, 2 – среднеднепровская серия, 3 – граница пшеворского ареала, 4 – римский лимес в 3 в. н. э.; 2 – находки двучленных фибул серии AI (1) в вельбарском и черняховском ареалах (2) к северо-востоку от римского лимеса 4 в. (3) (Амброз, 1966, табл. 23 с добавлениями автора).

4 pav. Lankinės segės Barbarikume: 1 – vienanarių segių siaura kojele radiniai, 2 – dvinarų segių AI serijos radiniai Wielbarko ir Čerňachovo kultūrų arealuose, į šiaurę nuo IV a. romėnų Limes'o.

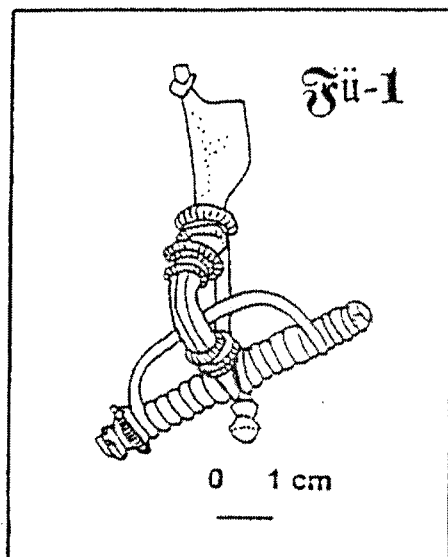

Рис. 5. Бронзовая фибула типа AVII, 211 из Fü-1 (КРМ в виде группы костей) с: бронзовой иглой, железным шилом, глиняным пряслицем, стеклянной бусиной, монетой Траяна (98–117 гг. н. э.). Ниже КРМ – костяк коня с трёхчастными удилами (Kemke, 1901, S. 93).

5 pav. A VII, 211 tipo žalvarinė segė iš Fü-1.

находок служат на могильниках Самбии римские монеты: Адриан (117–138 гг. н. э.) – погр. 46a Dollkeim (Bolin, 1926, S. 211); Фаустина Мл. (до 175 г. н. э.) – в погр. 128 Greibau (Bolin, 1926, S. 213). Во многих случаях римские монеты не читаемы, но, будучи для СНГ устойчивым хроноиндикатором, своим присутствием они датируют комплексы фазами С₁-С₂ (Витязь, Кулаков, Медведев, 2000, с. 14). Кроме того, фибулы типа AVI, 167 коррелируют в могилах с перекладчатыми фибулами (Do-48 – Tischler, Kemke, 1902, Taf. III, 17; II, 14, 15; Grei-21 – Tischler, Kemke, 1902, S. 26). Такие перекладчатые (в том числе – «мазурские») фибулы используются носителями западнобалтской культуры на фазах В₂/С₁-С₁ (Кулаков, 2001, рис. 2). Кроме упомянутых выше, фибулы типа Å3 встречены в Do-254, Do-258, Do-299, Do-260, Do-303, Do-306.

В завершении необходимо отметить то, что в материалах Янтарного берега представлены застёжки типа AVI, 168 (в Gru-II с монетой Траяна), на которых кольцевая (точнее – спиральная) гарнитура представлена лишь в центре ножки и является в сущности продолжением проволочного конца, крепящего к ножке игло-

приёмник. В сущности, эти фибулы составляют примерно треть в том массиве из 40 подвязных застёжек, которые к настоящему времени известны в адекватно документированных погребальных комплексах Юго-восточной Балтии. Вместе с фибулами типа AVI, 168 в древностях эстиев присутствуют так называемые «большие арбалетовидные фибулы» типа Å2 (рис. 8) с кольцевой гарнитурой (= grosse ABF), примерно в 1,2–1,5 раза превышающие средний размер длины фибулы типа AVI, 168.

До сих пор остаётся открытым вопрос о генезисе и развитии упрощённых фибул RG (типы AVI, 168 и Å3). В. Новаковский, как и О. Тишлер и Г. Кемке, из массива застёжек выделяет лишь «большие арбалетовидные фибулы» (grosse ABF – тип Å3), датируя их 350–400 гг. (Nowakowski, 1996, S. 19). Об их происхождении польский коллега (как, впрочем, и другие современные археологи) сообщает лишь (вслед за О. Альмгреном) об их принадлежности к «прусскому варианту» арбалетовидных фибул групп A, VI и AV, II. Упомянутые выше фибулы типа AVI, 168 (Å2) А. З. Таутавичюс разбивает на литовском материале на группы I–III и датирует их 4–нач. 5 вв. (Tautavičius, 1996, p. 195). Ведущий стилистический признак «больших арбалетовидных фибул» – кольца из рифлёной проволоки, стянутые вокруг корпуса фибулы – связывается с ранней вельбарской стилистикой на S-видных держателях ожерелий, в элементах декоров «змеевидных» браслетов и на прочих украшениях (по В. Новаковскому – Lubowidz-Stil, точнее следует именовать Ringgarnitur-Stil) раннеримского времени и, якобы, появляется на Самбии «[...] из Восточного Поморья и области Вислинской дельты, а также весьма отдалённого сарматского ареала» (Nowakowski, 1996, S. 57). На самом деле материалы Самбии и остальных могильников эстиев показывают на то, что фибулы вида RG являются местным продолжением развития линии фибул типов AIV, 74, AIV, 81 и AVII, 211 (тип Å2). Картографирование мест находок фибул вида «с кольцевой гарнитурой» в Юго-восточной Балтии (рис. 6) уверенно указывает на Самбию как на исходный микрорегион распространения этих артефактов (Åberg, 1919, Karte I, Fibel Turus Abb. 1–2). Одновременно с бытованием в Юго-восточной Балтии фибул типа AVII, 211 начинают

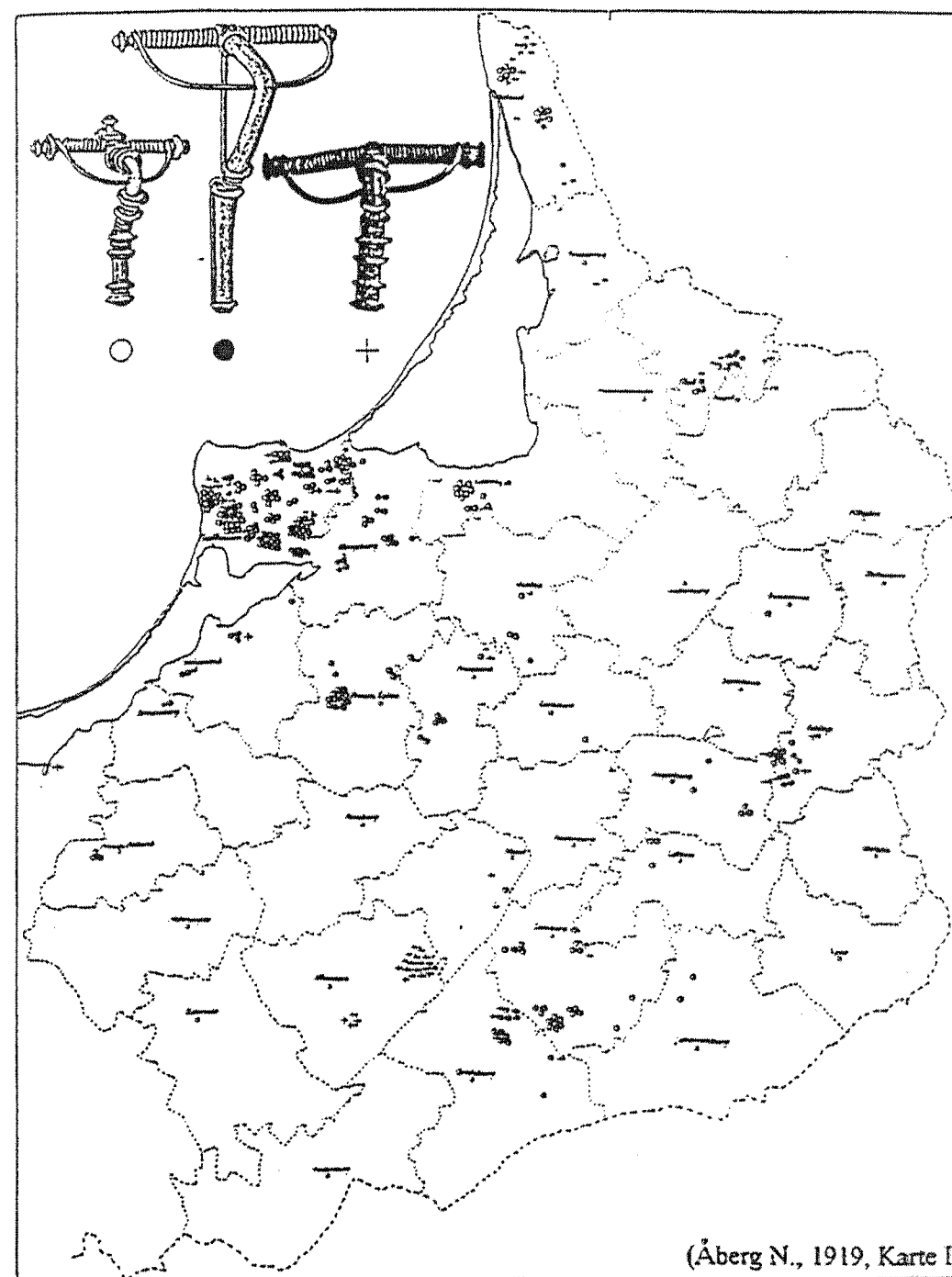

Рис. 6. Фибулы типов Å2, Å3 и Å4 в Юго-восточной Балтии.

6 pav. Å 2, Å 3 ir Å 4 tipų segės pietryčių Baltijos regione.

создаваться их упрощённые реплики, причём эти фибулы коррелируются в погребениях. Например, этот феномен отмечен в Do-46^b – урновая КРМ под каменной кладкой. Инвентарь: бронзовые фибула типа «grosse ABF», фибула с кольцевой гарнитурой типа AVI, 167, железная пластинчатая

шпора типа Swajcaria, умбон щита типа Chorula, рукоять щита, широкий нож (по О. Тишлеру – «kopvex»), урна, коса, железный крюк и прочие находки (Tischler, Kemke, 1902, S. 20). Do-46^b содержит, судя по набору вещей, останки мужчины-воина и датируется по фибулам в

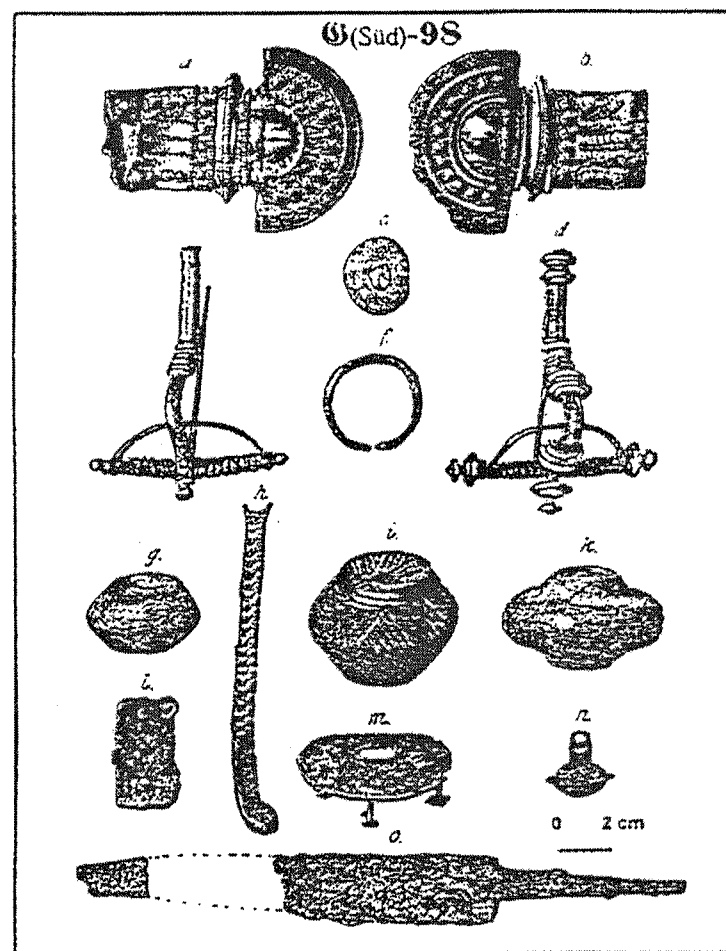
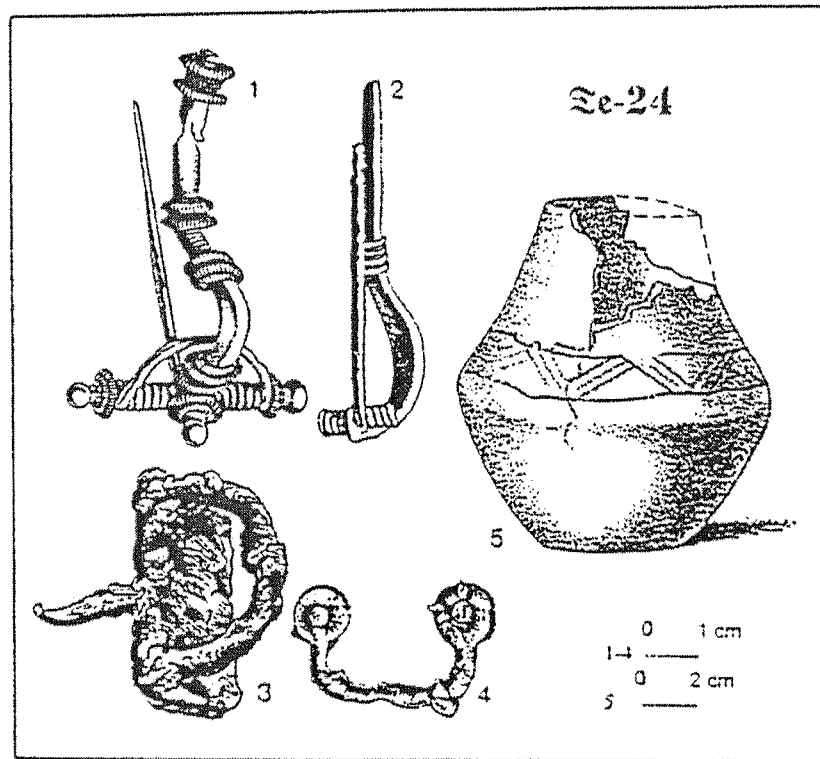

Рис. 7. Наборы инвентаря с фибулами типа AVI, 167: Te-24 (KPM в виде группы костей):

1 – бронзовая и 2 – железная фибулы, 3 – железная пряжка, 4 – железная поясная скоба, 5 – “временная урна” (Berendt, 1874, S. 12, 13); G(Süd)-98: a, b – обломки серебряного браслета, c – бронзовая фибула, d – бронзовая фибула с серебряными кольцами, e – бусина зелёного стекла, f – бронзовое кольцо, g, i, k – пряслица, h – бронзовый наконечник ремня, l, m – накладки, n – обломки ножа (Heydeck, 1886/87, Taf. VII).

7 pav. Įkapės su A VI, 167 tipo segėmis (Te-24 ir G(Süd)-98).

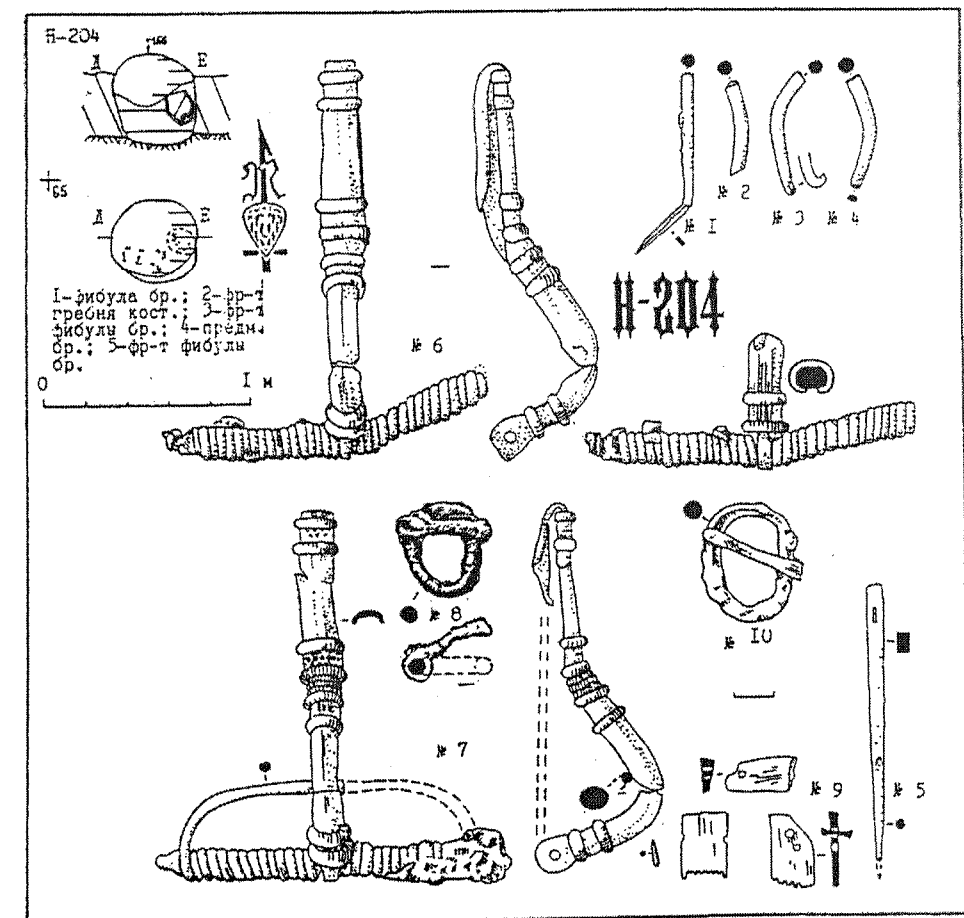
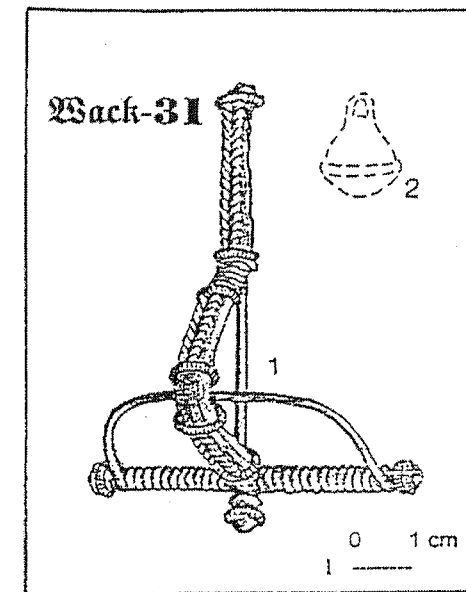

Рис. 8. Наборы инвентаря с фибулами типа A3: Wack-31 (урновая KPM):

1 – бронзовая фибула с серебряными кольцами, 2 – железный бубенчик, железная пряжка (Tischler, Kemke, 1902, S. 40); H-204 (урновая KPM): 1-4 – фрагменты бронзового стержня, 5 – бронзовая игла, 6, 7 – сломанные в древности бронзовые фибулы, 8, 10 – железные пряжки, 9 – обломки костяного гребня с железной заклёпкой (Архив ИА РАН, Кулаков В. И., 1992).

8 pav. Įkapės su A 3 tipo segėmis (Wack-31 ir H-204).

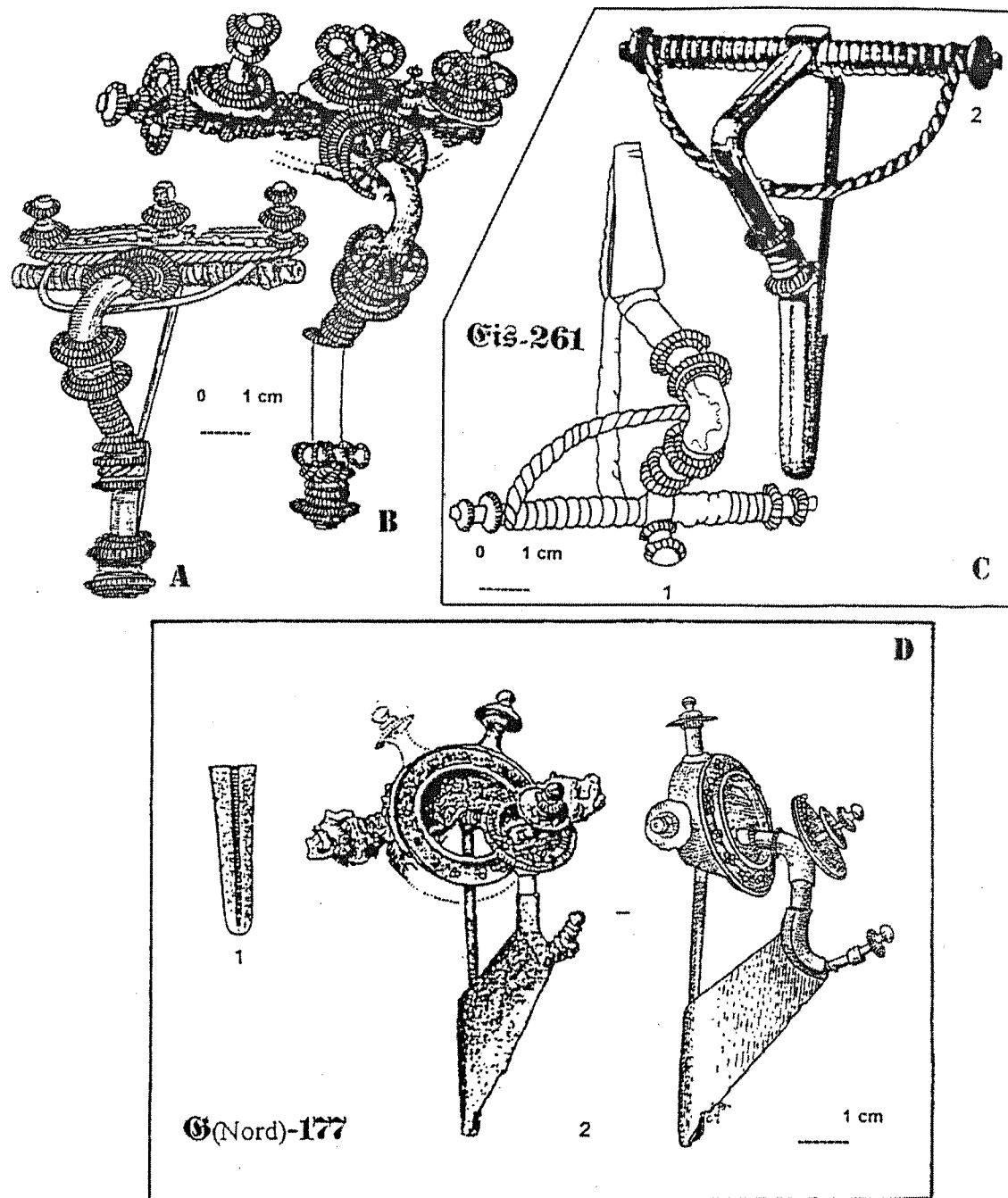

Рис. 9. Фибулы варианта *monstruosa* из Самбии и аналоги к их деталям:

А – Орехово (Зеленоградский р-н, ehem. Schuditten, Kr. Samland); В – бывш. Warengen, Kr. Samland; С – фибулы типа *grosse ABS* (одна из них – с серебряной накладкой на иглоприёмник) из погр. 261 Геройское-Рошино (Зеленоградский р-н, ehem. Eisliethen, Kr. Samland); D – фибула из погр. 177 ehem. Grebieten (Nord), Kr. Samland.
 Материал: А, В – бронза и серебро (?); С – бронза, железо, серебро; D – серебро, серебряное покрытие.
 Источники: А – Åberg, 1919, Abb. 10; В – Gaerte, 1929, Abb. 169, g; С – Кулаков, 1998, рис. 5; D – Vujack, 1888, Taf. V, 1a, 1b.

Список сокращений:

- А – Althof-Insterburg (западная окраина г. Черняховск)
- Detlevsruh – Detlevsruh, Kr. Friedland (уничт., Правдинский р-н ?)
- Do – Dollkeim, Kr. Samland (Коврово, Зеленоградский р-н)
- Eis – Eisselbitten, Kr. Samland (Сиренево, Зеленоградский р-н)

9 pav. *Monstruosa* variantu segēs iš Sambijas ir analogijos jų detalėms.

пределах 300–400 г. н. э. Обнаруженный в Do-46^b умбон щита относится к этапам В₂–С₂ и позволяет датировать Do-46^b временем никак не позднее 290 г. (Kazanski, 1994, p. 437).

Кроме упомянутых фибул с упрощённой версией RG, такие артефакты встречены в Do-59, Do-251, Do-254, Re-28(a).

Итак, к концу 3 в. н. э. следует считать завершившимся в Янтарном крае сложение не только устойчивых признаков фибул типа AVI, 167, но и застёжек *grosse ABF*. Приведённые в статье примеры показывают быстрое, почти спонтанное возникновение этих престижных типов застёжек пласшей на протяжении всего нескольких десятилетий второй половины 3 в. н. э. при продолжающемся использовании (для крепления ворота рубахи) скромных по виду двучастных фибул. *Grosse ABF* как анахронизм доживают на Доллькайме до начала 5 в., встречаясь в Do-364 со *Sternfußfibel* типа Bitner-Wróblewska V (Архив ИА РАН, Кулаков В. И., 2002). В куршской части западнобалтского ареала застёжки *grosse ABF* и даже двучастные фибулы с Г-образно изогнутой спинкой доживают, судя по комплексам на могильнике Жвиляй (Клайпедский р-н, Литва) до 4–сер. 5 вв. н. э. (Astrauskas, Gleiznienė, Šimėnas, 1999, 9, 10 pav., p. 137). В 5 в. поздние модификации фибул *grosse ABF* начинают по путям торговых контактов поступать на северо-восток от Янтарного края и Литвы – к балтам бассейна р. Даугавы и к южноэстонским племенам (Аун, 1985, с. 78).

Особое место в процессе исследования арбалетовидных фибул Балтии занимает вопрос о фибулах типа AVII, 212 и AVII, 216, 217 (вариант *fibulae monstruosi*), генетически связанных с застёжками типа AVII, 211. Вслед за Й. Вернером констатировав их северное (точнее – ютландское) происхождение, К. Годловский датировал их появление фазой С_{1b} и связал их распространение в Barbaricum с молдавским сектором черняховского ареала (Godłowski, 1994, S. 485). Их высокий паяный иглоприёмник характерен для стилистики древностей западных берегов Балтики позднеримского времени. Торец этого иглоприёмника в ряде случаев украшался плакированной серебром бронзовой накладкой в форме вытянутого овала. Она представлена на фибулах *monstruosa* из Янтарного края (Gru-D, G(Nord)-

177 – рис. 9, D, находка 2000 г. на могильнике Lauth), в соседствующем вельбарском ареале – Wekllice (Okulicz-Kozaryn, 1992, гус. 8, 2, 3). Такая накладка присутствует на одной из «чудовищных» фибул, которая хранится в фондах Каунасского музея и считается скандинавским импортом фазы С₂ (Michelbertas, 2000, S. 65). Однако до сих пор не обращалось внимание на то, что генезис этой квази-овальной накладки происходит на фибулах-прототипах застёжек типа Å3, на которых лицевая сторона иглоприёмника обретает сначала вполне конструктивное продольное ребро, вскоре приобретающее сугубо декоративную функцию. Такие артефакты представлены в материалах могильников Kirpehnen (Nowakowski, 1996, Taf. 84, 1), Eisliethen-194 (Nowakowski, 1996, Taf. 53, 1), Eisliethen-261 (рис. 9, C) (Кулаков, 1998, рис. 5), Greibau-150 (Jentsch, 1896, Taf. II, 10).

Вряд ли этот случаен феномен. Напротив, данная связь признаков между фибулами Янтарного края и Ютланда в начале фазы С является независимым подтверждением важной роли ареала эстив, являвшегося ключевым пунктом «рокады варваров», возникшей на восточных окраинах Barbaricum после Маркоманнских войн. Как и остальные элитные «трофеи», фибулы варианта *monstruosa* являлись в озёрных святилищах Ютланда подношением множества племён, живших далеко от этого священного для каждого германца комплекса святилищ (Кулаков, 2001, S. 53). Нет противопоказаний тому, что некоторые из этих роскошных застёжек были изготовлены мастерами, хорошо знакомыми к деталями материальной культуры Янтарного края. С другой стороны на этой части балтийского побережья известны находки фибул с арбалетовидной конструкцией (рис. 9, А, В), который можно с некоторой долей уверенности обозначить как местная реплика застёжек варианта *monstruosa* AVI, 184, распространённых в восточной части германского мира (Peschel, 1994, S. 72, Taf. 23) раннегуннского времени. Местные «чудовищные» застёжки отличались от ютландских образцов AVII, 216 подвязной ножкой и пальцевидными выступами на скрывающей пружину круглой пластине (Grebieten, Wekllice, Lauth).

На исходе римской эпохи проволоочное крепление подвязной ножки в центральной части корпуса фибулы *grosse ABF* балты трансфор-

мируют в серебряную накладку с фасетированным узором, нередко фибула обретает литой иглоприёмник. Правда, эта мутация, приведшая к появлению арбалетовидных фибул вар. Зв1 (тип Å4) (Кулаков, 1990, с. 152, 153), на завершающем этапе эпохи переселения народов прежде всего характерна не для прусской культуры, а для мазурской культурной группы и для древностей дельты р. Немана. Этапы генезиса и развития подвязных фибул в Юго-восточной Балтии во 2–4 вв. н. э. суммируются следующим образом:

1. Одночленные фибулы варианта Амброз I, непосредственно продолжающие в Восточной Европе в 1 в. н. э. латенские традиции, на памятниках археологии Юго-восточной Балтии римского времени отсутствуют. Имеющиеся здесь находки артефактов позднего варианта 2 застёжек AVI, 158 (среднеевропейская серия), отнесённый А. К. Амброзом к 3–4 вв. н. э., не позволяют поддержать гипотезу этого выдающегося исследователя древностей Восточной Европы о сложении в земле эстиев двучленных фибул на базе одночленных в 1–2 вв. н. э.

2. С большой долей осторожности можно предположить, что двучленные застёжки появляются в Юго-восточной Балтии, судя по находке (правда, слабо документированной) из Оструды, на фазах В_{1b}–В₂ и являются в сущности копиями провинциально-римских застёжек. Мастера этого региона, как и их коллеги на Ютланде, в Дакии (согласно любезному сообщению И. О. Гавриухина) и в некоторых прочих пунктах Germania Libera, копировали фибулы наиболее популярной у «варваров» на фазе В₂ группы V. Правда, учитывая активные связи по «рокаде варваров» во 2–3 вв., возможна прямая передача приёмов изготовления подвязных фибул с западных берегов Балтии, из Поморья или Подунавья на Янтарный берег. В этом нет ничего удивительного, ибо «общность обычаев» германцев и эстиев, основанную на близости их культур и языков, отмечал в самом начале новой эры Тацит (Дини, 2002, с. 60). Считается, что скандинавский этнокультурный импульс отражён в бытовании в западнобалтском ареале каменных кругов и «стел». Они характерны для вельбарской культуры

цельской фазы и распространяются на этапе В₂/С₁ из вельбарского ареала через р. Пасленку (Passarge-Fluß) на восток, в землю эстиев (Bohnsack, 1940, S. 23–25). Ранее этим прямыми указания на возможность восточно-готского «пришествия» на Янтарный берег и ограничивались. Теперь, возможно, ещё одним доводом в пользу этой версии событий можно считать тенденцию распространения подвязных фибул от германцев к балтам. Эти находки появляются на памятниках Западной Самбии и в низовьях р. Висла одновременно, примерно в 170–200 гг., обозначая для последнего региона начало цельской фазы вельбарской культуры, когда «[...] начинается большая экспансия вельбарской культуры в юго-восточном направлении» (Кухаренко, 1980, с. 64).

3. Распространение на северо-востоке Barbaricum между 180 г. и ок. 260 г. н. э. «суррогатов» провинциально-римской продукции вызвало к жизни, в частности, фибулы типа AVII, 211. Подвижные артели мастеров из Паннонии и Дакии распространяли эти изделия и прочие артефакты с проволочной гарнитурой на север по Великому Янтарному пути. В результате на Самбии началось производство дериватов фибулы типа AVII, 211 – застёжек типа AVI, 167 с подогнутой ножкой.

4. Застёжки типа AVI, 167, украшенные кольцевой гарнитурой – ведущий признак как древностей Самбии фаз С₁–С₂ и остального ареала СНГ, так и синхронной цельской фазы вельбарской культуры. В некоторых погребениях они встречаются с «ординарными» арбалетовидными фибулами, в иных комплексах – с фибулами grosse ABF. Независимо от социальной трактовки таких комплексов, эта особенность показывает на относительно краткий (в пределах одного-двух поколений в ходе 3 в. н. э.) период возникновения и становления всех трёх упомянутых выше родственных видов фибул. Такая специфика характерна для типологических мутаций вещевого материала окраин Barbaricum, подверженного влияниям не только провинциально-римских мастерских, но и не устоявшихся (неустойчивых) традиций различных

племён и социальных групп. Отсюда – своеобразная «лоскутность» (например – одновременное использование сразу нескольких типов фибул, пряжек и проч.) и даже эскизность облика материальной культуры ряда «варварских» племён. По сравнению с этой неоднозначной картиной горизонт древностей викингов выглядит почти монолитной формацией, в которой слабо проследываются границы близкородственных групп материала.

Относящиеся к цельской фазе вельбарской культуры детали женского убора резко отличаются от элементов устройства костюма любовидзской фазы и вдали от Балтики, в черняховском ареале связывается с готской традицией. Надо полагать, появление такого женского убора на Янтарном

ЛИТЕРАТУРА

- Амброз А. К., 1966. Фибулы юга европейской части СССР. САИ, вып. Д1–30. Москва.
- Аун М., 1985. Взаимоотношения балтских и южно-эстонских племён во второй половине I тысячелетия н. э. In: *Проблемы этногенеза и этнической истоии балтов*. Вильнюс.
- Витязь С. П., Кулаков В. И., Медведев А. М., 2000. Эталонные археологические памятники и проблемы хронологии европейских древностей (I тысячелетие н. э.). In: *Вестник Фонда фундаментальных исследований*, № 4. Минск.
- Гиббон Э., 1998. История упадка и разрушения Римской Империи, т. III. Санкт-Петербург.
- Дини П. У., 2002. Балтийские языки. Москва.
- Колосовская Ю. К., 1973. Паннония в I–III веках. Москва.
- Колосовская Ю. К., 2000. Рим и мир племён на Дунае I–IV вв. Москва.
- Кулаков В. И., 1990а. Древности пруссов VI–XIII вв. САИ, вып. Г 1–9. Москва.
- Кулаков В. И., 1990б. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V–начала VIII вв. /по материалам раскопок 1878–1938 гг./ In: *Barbaricum*–1989. Warszawa.
- Кулаков В. И., 1998. Майцкий регистр фибул из музеев Кёнигсберга In: *Гістарычна-археалагічны зборнік*, № 13, Мінск.
- Кулаков В. И., 2001. Козельский микрорегион в среднем железном веке. In: *Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья*, вып. IX, часть I. Калуга.
- Кухаренко Ю. В., 1980. Могильник Брест-Тришин. Москва.

берегу с фибулами типа AVI, 167 также не находится в стороне от готских традиций (правда – явно с региональным оттенком). Не исключено то, что эта археологическая реальность отражает результат процесса распространения к 366 г. н. э. влияния «готской державы» на жителей Янтарного края, которое «[...] приписывают не столько победам, сколько благоразумию Гермариуса» (Гиббон, 1998, с. 91). Существовавшая между ними этно-культурная близость (Колосовская, 2000, с. 31) позволяет полагать лёгкость культурных контактов и заимствований между подданными Балтов и Амалов и эстиями, которые тоже могли относиться к числу строителей «готской державы». Этому предположению созвучен сюжет с фибулами monstruosa.

- Мончыньска М., 1999. О так называемых «сарматских» фибулах в Средней и Восточной Европе. In: *Сто лет черняховской культуре*. Киев.
- Ростовцев М. И., 2000. Общество и хозяйство в Римской Империи, т. I. Санкт-Петербург.
- Åberg N., 1919. Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala-Leipzig.
- Andrzejowski J., 1992. The Roman Period brooches made of decoratively coiled wire. In: *Barbaricum*'92, т. 2. Warszawa.
- Astrauskas A., Gleiznienė G., Šimėnas V., 1999. Perpetės baltų kraštuose I tūkstantmečio viduryje. In: *Archaeologia Lituana*, т. I. Vilnius.
- Berendt G., 1874. Zwei Gräberfelder in Natangen und zwar Tengen bei Brandenburg und Rosenau bei Königsberg. In: *SPÖG*, Bd. XIV.
- Bohnsack D., 1940. Ostgermanische Gräber mit Steinfeilern und Steinreifen in Ostdeutschland. In: *Gothiskandza*. H. 20.
- Bolin St., 1926. Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreußen. In: *Prussia*, H. 26.
- Bujack G., 1888. Das Gräberfeld zu Grebieten. In: *Prussia*, Bd. 13.
- Gaerte W., 1929. Urgeschichte Ostpreußens. Königsberg.
- Godłowski K., 1994. Vorrömische Eisenzeit und Römische Kaiserzeit im östlichen Mitteleuropa und in Osteuropa. In: *Fibel und Fibeltracht. Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*, Bd. 8, Lieferung 5/6. Berlin–New York.
- Grunert W., 1935. Nadrauer Grabungen. In: *Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg*, H. 20. Insterburg.

Heydeñk J., 1888. Der südliche Teil des Gräberfeldes von Grebieten, Kreis Fischhausen. In: *Prussia*, Bd. 13.

Jentzsch A., 1896. Bericht über die Verwaltung des Ostpreußischen Provinzialmuseum in den Jahren 1893–1895. In: *SPÖG*, Bd. XXXVII.

Kazanski M., 1994. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la region pontique: origine et diffusion. In: *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*. Lublin/Marburg.

Kemke H., 1901. Fundverzeichnis zu Tafel 7–15 der 1. (ostpreussischen) Section des Photographischen Albums der Berliner Anthropologischen Ausstellung im Jahre 1880. In: *SPÖG*, Jg. XLII.

Kulakov V. I., 2001. Jütland-Dobruška: die Rochade der "Barbaren" vom 2. bis 4. Jh. Chr. In: *Archaeologia Bulgarica*, Jg. V, H. 2. Sofia.

Lund Hansen U., 1987. Römischer Import im Norden. København.

Lund Hansen U., 1994. Zum Verhältnis vom zivilem und militärischem Import in der römischen Kaiserzeit. In: *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*. Lublin-Marburg.

Michelbertas M., 2000. Zu den Handels- und Kulturbeziehungen der Bewohner Litauens mit Skandinavien in der römischen Kaiserzeit. In: *Archaeologia Baltica*, Bd. 4. Vilnius.

Nowakowski W., 1995. Od Galindai do Galinditae. Z badań nad pradziejami bałtyjskiego ludu z Pojezieria Mazurskiego. In: *Barbaricum*, t. 4. Warszawa.

Nowakowski W., 1996. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. Marburg–Warszawa.

Okulicz-Kozaryn J., 1992. Centrum kulturowy z pierwszych wieków naszej ery u ujścia Wisły. In: *Barbaricum*'92, t. 2. Warszawa.

Peschel K., 1994. Thüringen in ur- und frühgeschichtlicher Zeit. Wilkau-Haßlau.

Schuster J., 1995. Ein Werkstattkreis der Fibelherstellung in der Altmark? In: *Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift*, 36. Jg., H. 2.

Tempelmann-Maczyńska M., 1989. Das "reduzierte" Trachtmodell der gotischen Frauen und seine Ursprünge. In: *Peregrinatio Gothici. Archaeologia Baltica. Polonia*'86, vol. VIII. Łódź.

Tautavičius A., 1996. Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V–IX a.). Vilnius.

Tischler O., Kemke H., 1902. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg.

Vaitkuskienė L., 1995. Pagrybio kapinynas. In: *Lietuvos archeologija*, t. 13. Vilnius.

Архивные материалы

Архив ИА РАН, Кулаков В. И., Отчёт о работе Балтийской экспедиции ИА РАН в 1992 г., № 17428.

Архив ИА РАН, Кулаков В. И., Отчёт о работе Балтийской экспедиции ИА РАН в 2002 г.

PRŪSIJOS B₁–C₁ PERIODŲ LANKINIŲ SEGIŲ CHRONOLOGIJA

Vladimir Kulakov

Santrauka

Autoriaus tyrinėjimų objektas yra segės, kurios sudaro „segių su lenkta kojėle“ grupę. Dabartiniai Vakarų Europos archeologai aisčių gyventame areale nesuranda lankinių dvinarinių segių „protėvynės“. Tačiau šis tariamai aiškus atsargumas netenka prasmės žvilgtelėjus į lankinių segių radinius istoriniame Altmarko regione (Mecklenburg-Vorpommern). Šie radiniai yra ne kas kita kaip vėlyvųjų Romos imperijos provincijų C_{1a} periodo pabaigos A V grupės segių „barbariška“ atmaina. Germanijos gyventojai pradėjo gaminti lankines A VI, 181 tipo seges, o Gintaro krašto gyventojai sukūrė A VI, 162 tipo seges, archeologinėje literatūroje vadinamas arbaletinėmis. Būtent šios segės Baltijos regione IV a. pab.–V m. e. a. tapo lankinių segių su lietine užkaba, paplitusių visame Barbarikume, prototipais.

Sudėtingesnė lankinių žieduotųjų segių kilmės ir raidos problema. Kaip ir N. Åbergas, A. K. Ambrozas laiko jas daugiausia Baltijos regiono segėmis, kur jos, anot Ambrozo, pasirodo III a. K. Godłowskišio šio AVII, 211 tipo segių atsiradimą Vakarų baltų ir Wielbarko kultūros areale datuoja C_{1b} periodu. Galima tik spėlioti, kur ši produkcija buvo gaminama, tačiau segių gamintojų ryšiai su Limesu labai aiškūs pagal gamybos metodus: kojėlės sulenkimo būdas ruošiant užkabą Gintaro krante jau buvo taikytas darant AVI, 162 tipo seges.

Minėtos segės, kurios yra AIV, 81 ir AVII, 211 tipų segių barbariška modifikacija, N. Åbergo traktuojamos kaip Å2 (= AVI, 167) tipas ir datuojamos III a. antrąja puse, toli gražu neprilygsta B₁–B₂ periodų Sambijos meistrų produk-

cijai. AVI, 167 tipo segės, puoštos žiedais – svarbiausias tiek Sambijos C₁–C₂ periodo seniųjų, tiek Wielbarko kultūros sinchroninės Cecelių fazės požymis. Susijusios su pastarąja faze Lubovidzo fazės moterų nešiosenos detalės ryškiai skiriasi nuo kostiumo elementų ir toli nuo Baltijos, Černiacho-

vo kultūros areale, siedinamos su gotiška tradicija. Reikia manyti, kad tokių nešiosenos detalių su A VI, 167 tipo segėmis atsiradimas Gintaro krante taip pat aiškintinas gotiško- mis tradicijomis.

Iš rusų kalbos vertė M. Michelbertas

Įteikta 2002 m. spalio mėn.